

Могильник судовской культуры в Червоном Дворе – предварительные результаты исследований в 2003–2005 годах

Павел Шимански, Лешек Годзеба

Одной из самых интересных зон западнобалтского круга древностей является так называемое голдапское скопление (рис. 1:1). Из-за схожести погребального обряда – курганов с каменными насыпями, исследователи обычно связывают это скопление с судовской культурой и датируют позднеримским периодом и эпохой великого переселения народов, со специальным развитием в фазе D (Kaczyński, 1976, с. 270; Bitner-Wróblewska, 1998, с. 308–309).

Одним из самых важных индикаторов культурной принадлежности голдапского скопления является погребальный обряд. Он может свидетельствовать о развитии культуры, а прежде всего о зависимости от более ранней богачевской культуры с её грунтовыми могильниками, от районов Натангии и Надровии и даже западной Литвы, где известны каменные конструкции, а прежде всего, от района вокруг Сувалок, то есть от остальной части судовской культуры с её курганами.

Голдапское скопление это одна из наименее изученных зон западнобалтского круга древностей. Причиной тому является отсутствие полных публикаций и анализа исследованных памятников. До второй мировой войны эта территория входила в состав Восточной Пруссии. Большинство судовских (сувальских) могильников было исследовано после войны и результаты этих раскопок доступны для археологов, в то время как голдапские могильники были исследованы в немецкое время, а результаты этих раскопок пропали во время военных действий.

На сегодняшний день очень развиты исследования архивов, хранящихся в европейских научных заведениях. Это позволяет собирать информацию как о единичных находках, так и о целых погребениях. Примером тому может послужить

курганный могильник в бывшем Ротебуде (сегодня Червоны Двор). Из довоенных публикаций нам известен лишь лаконичный каталог и иллюстрации нескольких находок (Vujack, 1885, с. 21–29; 1886, с. 107; Eberg, 1919, рис. 120, 142; Gaerte, 1929, рис. 223:c, 224:b; Peiser, 1919, рис. 140). Оказалось, что довольно много данных о этих курганах хранится в архивах европейских научных заведений, были найдены также некоторые оригинальные находки. Сегодня мы можем реконструировать почти тридцать погребений¹. К сожалению, до сих пор не известен характер этих объектов. Довольно подробное описание курганов позволило приблизительно реконструировать размещение урн под насыпью, а также сделать общие выводы, касающиеся характера погребений. Более точные данные, которые несомненно важны, отсутствуют.

Не ясен также характер других могильников голдапского скопления. Только в нескольких случаях были опубликованы схематичные зарисовки курганов (Gaerte, 1929, рис. 202:a; Stadie, 1919a, табл. XXXIX; 1919b, табл. XXXVIII) или описания нуждающиеся в кропотливой интерпретации (Vujack, 1885, с. 21–29; Tischler, 1879, с. 160–161, 253–258, 267–268) Анализ архивных материалов не позволяет выяснить многих неточностей.

В этой ситуации пробелы в наших знаниях, касающиеся погребального обряда, могут заполнить только новые исследования, результаты которых принесут не только ряд интересных находок, но и могут рассказать о контексте их расположения в объектах.

¹ Полную монографию могильника Ротебуде готовит к печати П. Шимански.

ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА С КРЕМАЦИЯМИ В ЧЕРВОНЫМ ДВОРЕ, СТ. XXI

Единственный раскапываемый в послевоенное время могильник голдапского скопления находится в деревне Червоны Двур, около пяти километров от выше упомянутого, раскопанного Бужком могильника Ротебуде (рис. I:1).

В общем на могильнике было зарегистрировано около пятидесяти курганов, размещённых в двух соседних скоплениях: северо-западном и юго-восточном (рис. I:2). Это небольшие возвышенности диаметром от 3,5 до 8 м, высотой до 60 см. Только один курган выделяется своими размерами – его диаметр доходит до 12 м.

В течение трёх сезонов полевых работ² были исследованы: один курган северо-западного скопления (времен переселения народов) и три кургана юго-восточного (позднеримские). Кроме того во втором скоплении была исследована площадь между курганами – грунтовый могильник. Раскопана была лишь небольшая часть площади, поэтому мы можем говорить только о предварительных выводах. В статье будут представлены только некоторые наиболее интересные материалы а также выводы, касающиеся хронологии и культурной принадлежности.

Избранные материалы

На грунтовом могильнике, зафиксированном в юго-восточном скоплении, до сих пор было зарегистрировано 20 погребений: урновых и безурновых кремаций. Безурновые захоронения без исключения были вставлены в чёрную землю (например, объекты 1, 7, 9, 13 – рис. II:3), урны же находились как в чёрной земле (объект 12) так и в светлом песке (например, объекты 4, 10, 34 – рис. I:2). Довольно убогий инвентарь не позволяет провести хроноло-

² Раскопками 2002–2004 г. г. руководили Лешек Годзеба (Служба Охраны Памятников, Отдел в Элке) и Павел Шимански (Институт Археологии Варшавского Университета), при сотрудничестве в первом сезоне Петра Иваницкого (Государственный Археологический Музей в Варшаве). Разборку погребений на месте консультировал антрополог Беата Балкович. В экспедиции принимали участие студенты Института Археологии Варшавского Университета.

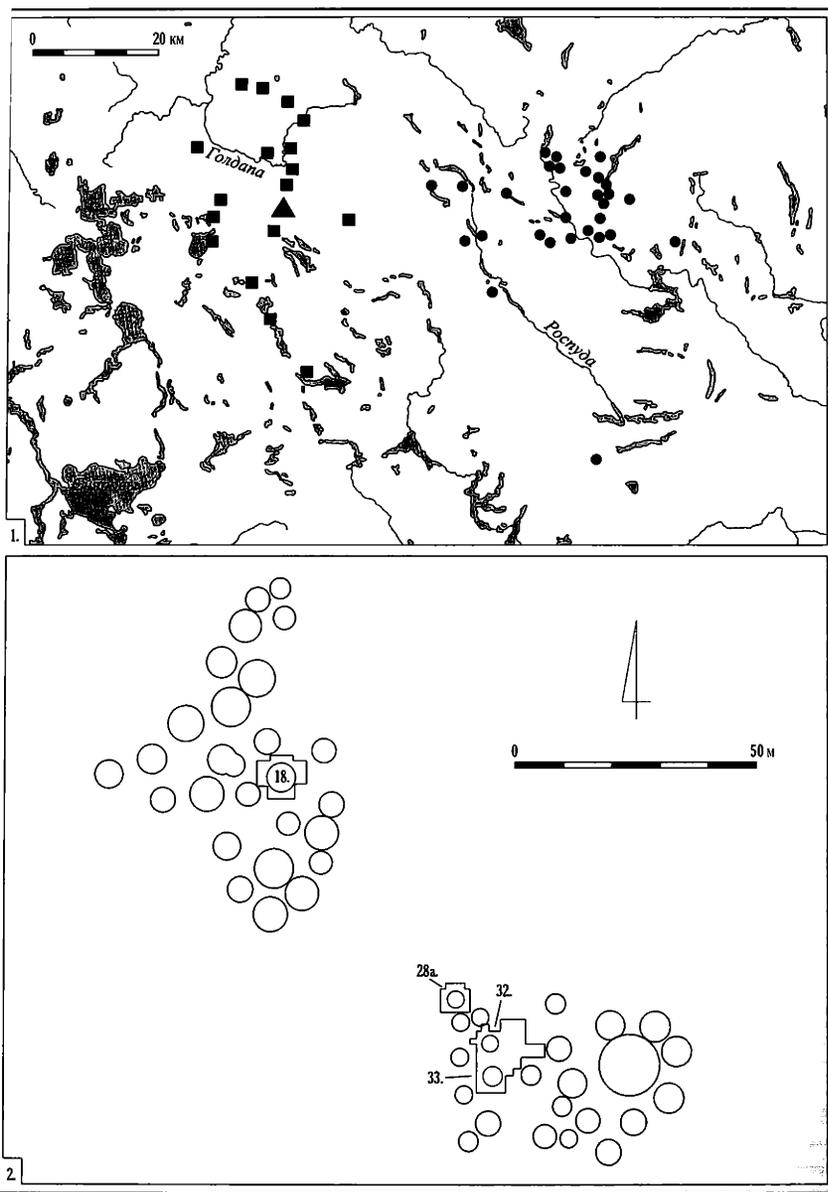
гического анализа, представляется однако, что умерших хоронили здесь в течение всего позднеримского периода. Одним из первых было, скорее всего, погребение 1, в котором были обнаружены фрагменты фибулы A167 и манжетобразный браслет раннего варианта (рис. II: 3–16). Формы некоторых сосудов (урн и приставок) вероятно датируемых началом позднеримского периода, были схожи с классическими богачевскими (объект 4), более поздние (объекты 8, 34) можно отнести к типу „Юхнайче“ (рис. II:1) (ср. Nowakowski, 1998, с. 94), характерному для судовской культуры. Некоторые погребения в последствии были накрыты курганами.

Исследования показали, что каждому из раскопанных курганов был свойственен самобытный погребальный обряд, иногда довольно незаурядный. В центре одного из позднеримских курганов (33 – рис. III) был обнаружен каменный ящик (объект 41³ – рис. III:1б), в котором была урна и сопровождающий сосуд (рис. III:2, 3). В урне находилась монета – сестерций Александра Севера (табл. III:4). Для этих сосудов прямые аналогии видны среди керамики богачевской культуры. Но самое интересное то, что возле первого ящика находился второй с разрушенной урной, также богачевской. Вероятнее всего, при строительстве кургана урну вставили уже разрушенной, возможно это было более раннее погребение, выкопанное из другого места⁴.

В двух оставшихся курганах юго-восточного скопления были зафиксированы только безурновые кремации. В кургане 32 кальцинированные кости трёх умерших были разбросаны в насыпи. Похожее погребение (объект 45) было зафиксировано также в кургане 28а. Такой погребальный обряд до сих пор был не известен в голдапском скоплении, хотя следует отметить, что довоенные исследователи регистрировали курганы, которые описывали как пустые (ср. Vijsack, 1885, с. 21). Вероятно, при довольно быстрых методах раскопок разбросанные в насыпи кости могли оставаться незамеченными.

³ Во время раскопок было принято решение о текущей нумерации регистрируемых объектов как на грунтовом могильнике, так в курганах и под ними.

⁴ Это погребение первично находилось в южной части кургана, где были найдены раскнутые кости этого человека (кости склеивались между собой!).

1 – могильники судовской культуры (согласно Bitner-Wróblewska, 1998, с дополнениями). Квадраты – могильники гданьского скопления, треугольником – могильник в Червоном Дворе, – стилизованный знак – расположение курганов на могильнике в Червоном Дворе, ст. XXI с нанесённым планом раскопок 2003–2005.

2 – Sūdavių kultūros kapinyai (pagal Bitner-Wróblewska, 1998, su papildymais). Kvadratais pažymėti Čerėdabės lais, trikampių – kapinynas Czerwoły Dwór (st. XXI); 2 – pilkapių Czerwoły Dwór (st. XXI) kapinyne issidėtytų tyrimų 2003–2005 m. tyrinėjimų planas

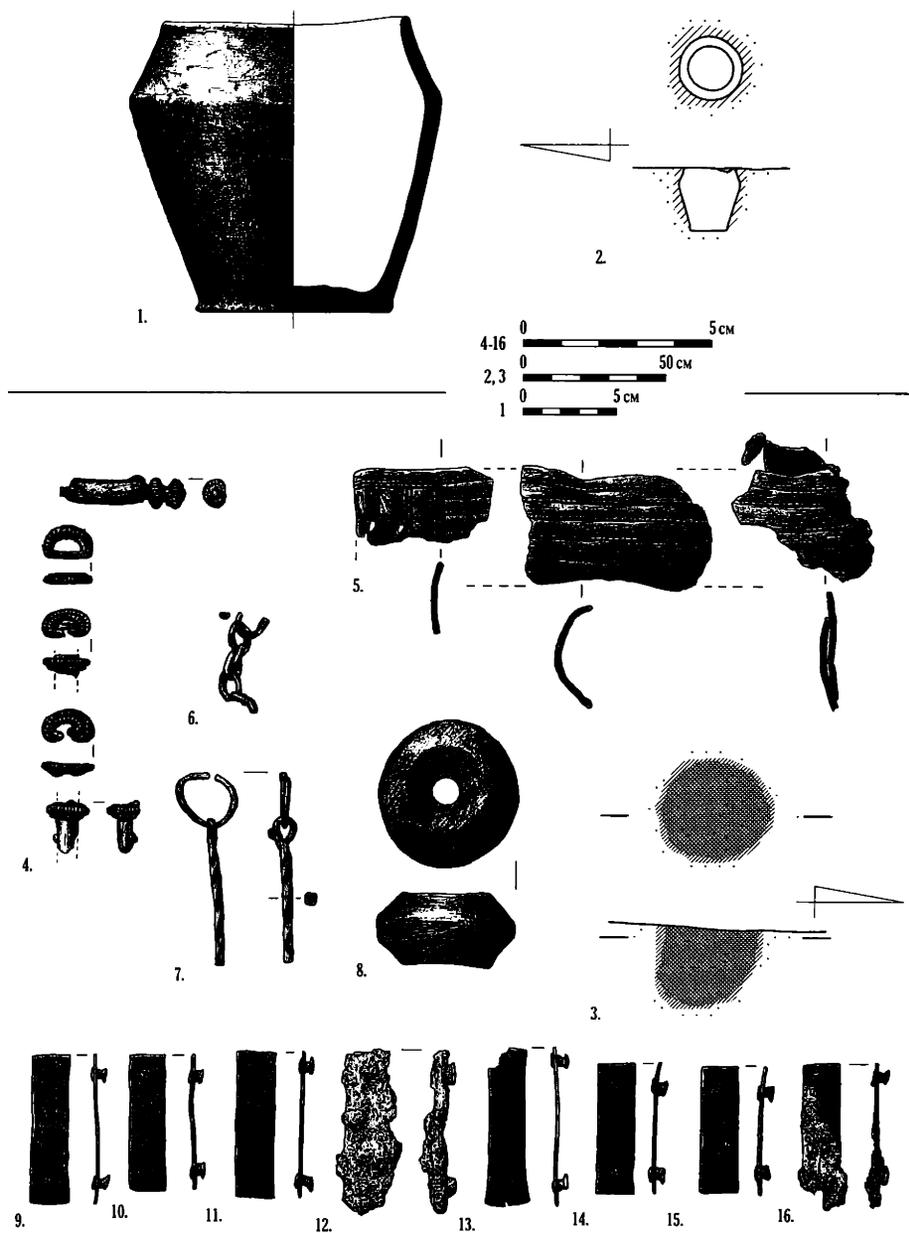

Рис. II. Червоны Двур, ст. XXI. Примеры грунтовых погребений. 1, 2 – объект 34; 3–16 – объект 1.
 II pav. Czerwony Dwór (st. XXI). Ploktinių kapų pavyzdžiai. 1, 2 – 34, 3–16 – 1 kapas

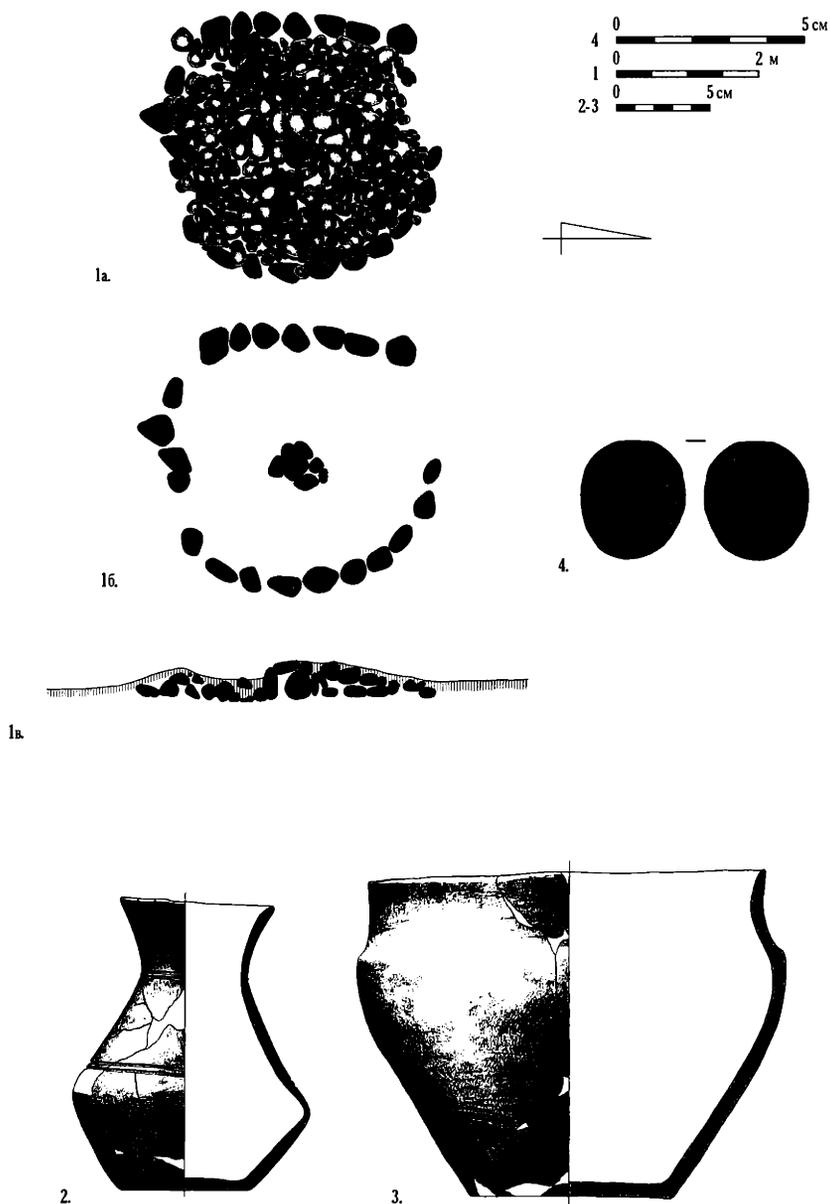

Рис. III. Червоны Двор, ст. XXI. Курган 33. 1а – план каменной насыпи на кургане; 1б – план каменного венца и конструкции центральной могилы (объект 41); 1в – профиль кургана с упавшим деревом; 2-4 – инвентарь центральной могилы – объект 41.

III pav. Czerwoný Dwór (st. XXI). 33 pilkapis. 1a – akmenų grūdinių ant sampilo; 1b – akmenų vainiko su centriniu kapu (41) planas; 1b – pilkapio su įdubimu, likusiu nuo nugriuvusio medžio, skersinis pjūvis; 2-4 – centrinio kapo (41) įkapės

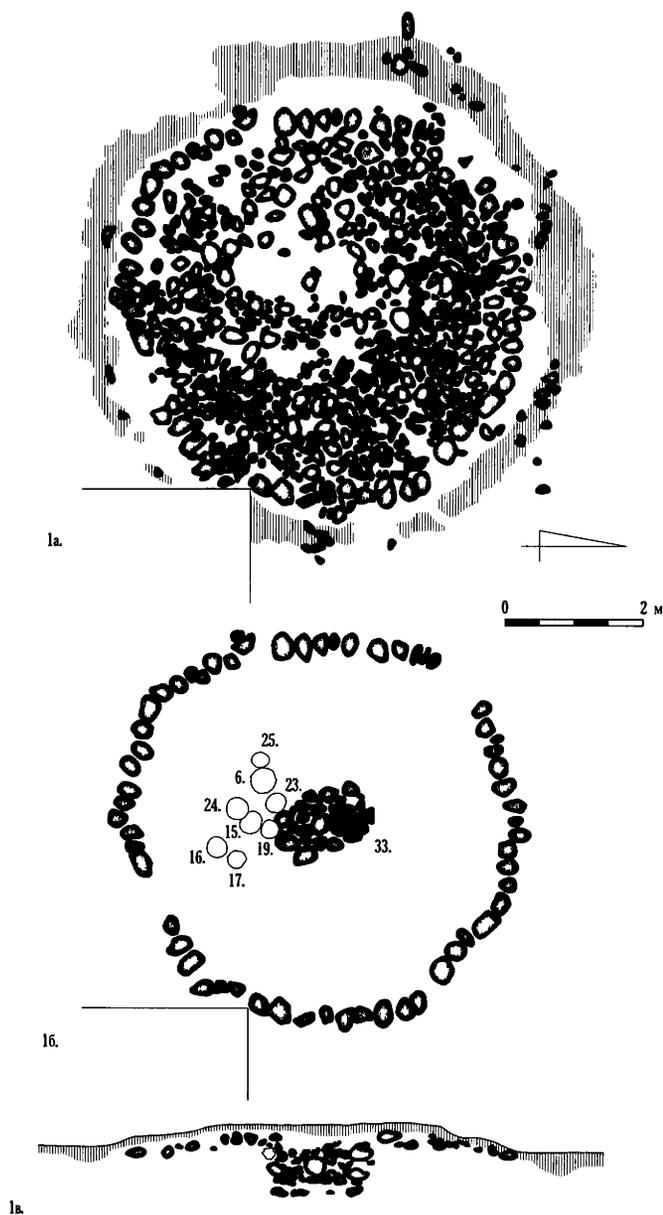

Рис. IV. Червоны Двор, ст. XXI. Курган 18. 1а – план слоя камней на кургане с окружающим ровком; 1б – план каменного венца с центральной могилой (объект 33) и урновыми погребениями в насыпи; 1в – профиль кургана.

IV pav. Czerwony Dwór (st. XXI). 18 pilkapis. 1a – akmenų grindinio ant pilkapiro ir aplinkinio griovio planas; 1b – akmenų vainiko su centriniu kapu (33) ir palaidojimais urnose sampilė planas; 1v – pilkapiro skersinis pjūvis

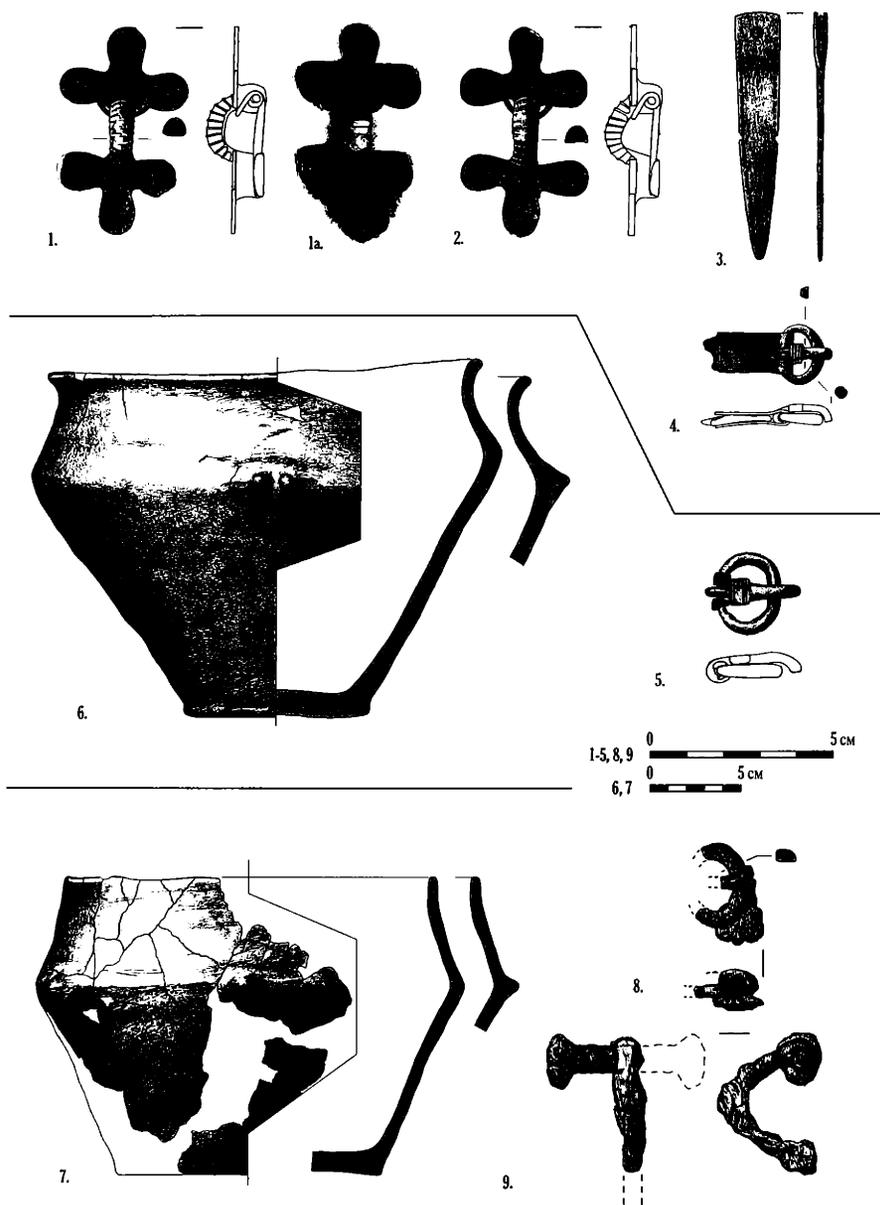

Рис. V. Червоны Двор, ст. XXI. Курган 33, избранные погребения. 1-4 – одно из погребений (номер 1) в центральной могиле – объекте 33 (1a – фотография фибулы с зафиксированной берёзовой корой и тканью); 5, 6 – урновое погребение из насыпи – объект 17; 7-9 – урновое погребение из насыпи – объект 15.

V lentelė. Czerwony Dwór (st. XXI). Pirkapis, kai kurie kapai. 1-4 – vienas iš kapų (Nr. 1) centriniam palaidojimui (33 objekte) (1a – segės su užsikonservavusia beržo žieve ir audiniu fotografija); 5, 6 – palaidojimas urnoje sampile (17); 7-9 – palaidojimas urnoje sampile (15)

Наиболее интересные элементы погребального обряда были однако зафиксированы в кургане 18 из северо-западного скопления (рис. IV). Курган диаметром 6 м и высотой 60 см был окружён каменным венцом. Земляная насыпь была покрыта каменной кладкой. Вокруг был зафиксирован ров, из которого, вероятнее всего, брали землю для подсыпания возвышенности.

В насыпи кургана было найдено 8 урн (объекты 6, 15–17, 19, 23–25), вторично вставленных между камнями или под них. Обнаруженные в урнах находки датируются началом фазы E периода переселения народов (рис. V:5–9). После снятия насыпи была зафиксирована овальная яма (объект 33) длиной 110 и глубиной 50 см, заполненная несколькими слоями камней (рис. IV:16,1в). Дно этой ямы было выложено каменной кладкой. На этой кладке был обнаружен слой чистых пережжённых костей толщиной до 13 см. Среди этих костей было зафиксировано несколько десятков находок: 12 янтарных бусин, 5 бронзовых и 1 железная пряжка, 3 поясных язычка, бронзовая цепочка и 8 бронзовых фибул. Весь этот инвентарь можно датировать фазой D и началом фазы E периода переселения народов⁵. Кроме того, в кургане было зафиксировано ещё несколько объектов разного характера, по всей вероятности более ранних.

Благодаря присутствию на объекте антрополога, уже во время раскопок удалось выделить 8 гнёздскоплений костей, частично находящихся друг на друга. Позднее, во время анализа костей, оказалось, что здесь было захоронено 10 человек. Вероятнее всего, здесь имело место добавление костей умерших в могилу, которую с этой целью должны были открывать. Сравнение размещения костей и находок позволило сгруппировать артефакты в комплексы, и определить их стратиграфию и датировку. Это только гипотетическая группировка, так как находки могли быть вторично перемещены.

Только последнее наиболее интересное погребение с номером 1 кажется не нарушенным. На гнезде костей были обнаружены бронзовые находки – 2 симметричные фибулы с головками в форме

⁵ Кроме того, здесь было найдено ещё несколько окислённых фрагментов железных предметов, внешний вид которых ещё не ясен. Эти находки всё ещё находятся в консервации.

трилистника, поясной язычок и пряжка с овальной рамкой (рис. V:1–4) датируемая началом фазы E. Эти предметы лежали на шерстяной ткани и были прикрыты берестой (рис. V:1а). Можно предполагать, что кости были захоронены в мешочке, на них были положены украшения и затем накрыты берёзовой корой. К двум фибулам с погребения можно указать две близкие аналогии: первая из самбийского могильника в бывш. Детлевсрух (Hollack, 1914, с. 271, рис. 112), вторая из расположенного недалеко от Червоного Двора могильника в Петрашах (Heydeck, 1880). Вероятно, что эти предметы находят свои аналогии также в менее орнаментированных симметричных фибулах меньших размеров, довольно часто фиксируемых на Самбии и других голдапских могильниках (Tischler, Kemke, 1902, табл. VI:5–9).

Трудности возникают при попытке поиска аналогий к представленным на кургане элементам погребального обряда. Присутствие урн в насыпи указывает на близкие связи с сувальским регионом, где в прудзиской фазе встречаются такие курганы, называемые семейными. Намного сложнее найти аналогию к центральной яме кургана 18. Только с близлежащего могильника в Бочвинце мы имеем лаконические данные о открытии слоёв кремации под курганами (Stadie, 1919b). Нельзя однако быть уверенным, что такое описание соответствует конструкции в Червоном Дворе. Кроме того, на могильниках голдапского скопления уже ранее фиксировались ямы, выложенные камнями и прикрытые насыпью, в которую со временем добавляли урновые погребения (Tischler, 1879, с. 161–162).

Следует также заметить, что позднеримские курганы имели каменную насыпь (рис. III:1), тогда как курганы, датируемые периодом переселения народов – земляную, только сверху покрытую слоем камней (рис. IV). Во всех курганах был зафиксирован венец из больших камней.

Хронология развития могильника

Три сезона полевых работ позволили прийти к некоторым выводам, касающимся хронологии, развития и культурной принадлежности могильника.

Первым этапом использования могильника были захоронения в грунтовых могилах в юго-восточном скоплении. Они датируются поздним периодом

римского влияния, однако из-за очень бедного погребального инвентаря трудно уточнить такую хронологию. Только погребение 1 можно датировать, вероятнее всего, на начало фазы С.

Вторым этапом было сооружение курганов в юго-восточном скоплении, датированном также поздне-римским периодом. Нельзя исключить, что их начали сооружать одновременно с началом грунтовых захоронений. Среди исследованных самым ранним кажется курган 33 (сестерций Александра Севера датирует его III веком н.э). Более поздним был курган 32 с фазы С2, датируемый найденной в насыпи арбалетовидной фибулой с подвязной ножкой и двойной тетивой. Вероятно, самым поздним, с конца поздне-римского периода, из трёх исследованных был курган 28а. Несмотря на отсутствие хорошо датируемого инвентаря об этом свидетельствует локализация кургана на самом рубеже скопления, на склоне возвышенности за курганом 32.

Третим этапом было сооружение курганов в северо-западном скоплении. Единственный исследованный курган можно датировать фазой D, хотя хоронили в нём ещё в начале фазы E. Вероятно, остальные курганы этого скопления тоже можно связывать с периодом переселения народов.

Культурная принадлежность

Довольно трудно однозначно высказываться о культурной принадлежности могильника в поздне-римский период. Самые ранние погребения (с начала поздне-римского периода) на грунтовом могильнике – учитывая характер керамики – можно связывать с богачевской культурой. В части погребений, вероятно более поздних (с конца поздне-римского периода) зафиксировано сосуда типа Юхнайче, характерные для судовой культуры. Присутствие каменных конструкций, самая старая из которых (курган 33) датируется III веком, указывает на то, что уже в этот период мы имеем дело с судовой культурой. Следует однако отметить, что в кургане были найдены сосуды с богачевскими признаками (рис. III:2-3). Тем самым объект имеет ярко выраженный переходный характер между богачевской (присутствие керамики этой культуры) и судовой культурами (каменные конструкции). Вероятнее всего, с началом поздне-римского периода мы имеем дело с постепенным формированием судовой

культуры на ярко выраженном грунте богачевской культуры⁶. По всей вероятности, этот процесс проходил ещё в течение всего поздне-римского периода и только в развитой стадии появилась судовая керамика (рис. II:1)⁷. Похожие явления видны также на других могильниках голдапского скопления: начало поздне-римского периода – это время доминанции богачевской керамики (Tischler, 1879, табл. I:3, 5, 7, 16–20, 24; Nowakowski, 1998, с. 123, табл. 24:499, 500)⁸, а судовские сосуды типа Юхнайче появляются значительно позже⁹.

Менее сложным кажется определение культурной принадлежности могильника во время великого переселения народов. В кургане 18, сооружение которого можно связывать с фазой D, были зафиксированы урновые погребения в насыпи, датируемые началом фазы E. Этот факт делает его похожим на т.н. семейные курганы, характерные для прудзиской фазы судовой культуры (ср. Kaszyński, 1976, с. 263, 270). Поражает только довольно богатый инвентарь погребений, как центральной могилы, так и доставленных захоронений. Это явление довольно характерно для голдапского скопления: уже в конце поздне-римского периода здесь появляется обычай богато „снаряжать“ умерших, таких черт мы не наблюдаем однако в сувальском скоплении (ср. Kaszyński, 1976, с. 270). Следует заметить, что в это самое время усиливаются влияния с территории культуры Долькайм-Коврово. Примером таких влияний служат металлические артефакты как с могильника в Червоном

⁶ Датировка процесса формирования судовой культуры в голдапском скоплении на „рубеж I и II века“ (ср. Engel, Iwanicki, Rzeszotarska-Nowakiewicz, 2006) кажется маловероятной, так как материалы раннеримского периода в этом регионе имеют ярко выраженный богачевский характер.

⁷ В результате исследований в Червоном Дворе было найдено 20 целых сосудов и фрагменты ещё нескольких (рис. II:1, III:2, 3, V:6, 7). Это самая большая серия керамики с голдапских могильников и единственные сосуды, доступные на сегодняшний день в оригинале.

⁸ При незначительном, вопреки существующим суждениям, влиянии самбийской керамики (Bitner-Wróblewska, 1998, с. 308).

⁹ Представляется, что керамика этого типа в сувальском скоплении появляется раньше.

Дворе, так и с других памятников голдапского скопления¹⁰.

В статье не были затронуты многие проблемы, касающиеся генезиса и формирования судовской культуры, а также связей с соседними культурами, вытекающие из анализа материалов могильника в

¹⁰ Следует также заметить, что это время исчезновения как богачевской культуры так и зоны D вельбарской культуры. Нельзя исключать, что богатство материалов голдапского скопления, в частности присутствие предметов импорта, было результатом кратковременного контроля торговых контактов юга с самбийским полуостровом, который осуществляло местное население.

Литература

- Åberg N., 1919. Ostpreußen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala.
- Bitner-Wróblewska A., 1998. Suwalszczyzna w okresie wędrówek ludów. In: *Ceramika zachodniobałtyjska od wczesnej epoki żelaza do początku ery nowożytniej*. Białystok, s. 305–311.
- Bujack G., 1885. Das Gräberfeld zu Rothebude, Kreis Goldap. In: *Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia*. 10 (1883–84), S. 20–29.
- Bujack G., 1886. Accessionen des Prusia-Museum. In: *Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia*. 11 (1884–85), S. 96–133.
- Engel M., Iwanicki P., Rzeszotarska-Nowakiewicz A., 2006. In: *Sudovia in qua Sudovitae*. New hypothesis about the origin of Sudovian Culture. в этом сборнике.
- Hydeck J., 1880. Das Gräberfeld von Pietraschen. In: *Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia*. 5, S. 22–23.
- Hollack E., 1914. Das Gräberfeld bei Detleversruh, Kr. Friedland. In: *Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia*. 23, 264–280.
- Gerte W., 1929. Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg.
- Kaczyński M., 1976. Problem zróżnicowania wewnętrznego „kultury sudowskiej“ w późnym podokresie wpływów rzymskich i okresie wędrówek ludów. In: *Kultury Archeolo-*

Червоном Дворе. Некоторые из них были только обозначены.

Приведённые некоторые примеры показывают однако, что новые раскопки в Червоном Дворе вносят не только новую информацию о погребальном обряде, но и, что более важно, помогают понять и интерпретировать описания довоенных публикаций. К сожалению, из этого следует ещё один немаловажный вывод – не лучшая довоенная методика раскопок не позволяла подробно фиксировать детали погребального обряда. Даже такие немногочисленные и требующие кропотливого анализа лаконичные описания могут быть ошибочными и недостоверными. Это касается в первую очередь интерпретации вторично вставленных погребений.

giczne i strefy kulturowe w Europie środkowej w okresie wpływów rzymskich. *Zeszyty Naukowe UJ CCCCXXII, Prace Archeologiczne*. 22, s. 253–286.

Nowakowski W., 1998. Die Funde der römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Masuren. *Bestandskataloge des Museums für Vor- und Frühgeschichte*. 6. Berlin.

Peiser F. E., 1919. Fundberichte. Gräberfeld bei Hundenberg. In: *Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia*. 23/II (1905–1908), S. 335–356.

Stadie K., 1919a. Gräberfeld bei Gruneiken. *Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia*. 23/II (1905–1908), S. 408–416.

Stadie K., 1919b. Gräberfeld bei Alt-Bodschwingken, Kreis Goldap. In: *Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia*. 23/II (1905–1908), S. 420–440.

Szymański P., 2000. Ceramika z cmentarzysk kultury bogaczewskiej. Próba analizy na podstawie wybranych materiałów. In: *Barbaricum*. 6. Warszawa, s. 109–201.

Tischler O., 1879. Ostpreussische Gräberfelder III. In: *Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg*. XIX, S. 159–269.

Tischler O., Kemke H., 1902. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg.

SŪDUVIŲ KULTŪROS KAPINYNAS CZERWONY DWŌR VIETOVĖJE – 2003–2005 METŲ TYRINĖJIMŲ PRELIMINARŪS REZULTATAI

Paweł Szymański, Leszek Godzieba

Santrauka

Viena įdomiausių iš vakarų baltų kultūrų sričių yra vadinamoji Geldapės grupė. Ji tradiciškai siejama su sūduvių kultūra, pirmiausia dėl akmeninių pilkapių buvimo. Grupė datuojama vėlyvuoju romėniškoju laikotarpiu ir tautų kraustymosi laikotarpiu, o labiausiai išsivysčius buvo D periode.

Geldapės grupė – tai viena blogiausiai pažįstamų vakarienių baltų kultūros sričių, nes dauguma prieš Antrąjį pasaulinį karą surastos medžiagos dingio. Be archyvinės medžiagos paieškos, be abejo, reikia naujų kasinėjimų.

Vienintelis pokariu tyrinėtus Geldapės grupės kapinynas

yra Czerwony Dwór. Čia žinoma apie 50 akmeninių pilkapių, išsidėsčiusių dviem grupėmis. Tai nedideli 3,5–8 m skersmens ir iki 60 cm aukščio sampilai. Tik vienas pilkapis išsiskiria dydžiu – yra 12 m skersmens. 2003–2005 m. ištirti 4 pilkapiai ir apie juos aptikta 20 plokštinių degintinių kapų, o tai leidžia daryti tik preliminarį išvadą.

Pirmasis kapinyno naudojimo etapas – tai mirusiųjų laidojimas plokštiniuose kapuose, aptiktuose pietrytinėje dalyje ir bendrai datuotuose vėlyvoju romėniškuoju laikotarpiu. Antrasis naudojimo etapas – pilkapių įrengimas pietrytinėje dalyje tuo pačiu vėlyvoju romėniškuoju laikotarpiu. Trečiasis

etapas – pilkapių įrengimas šiaurės vakarų dalyje, kuri datuojama tautų kraustymosi laikotarpiu.

Tyrinėjimų medžiaga rodo, kad vėlyvojo romėniškojo laikotarpio pradžioje ankstesnės Bogačevo kultūros pagrindu pamažu pradeda formuotis sūduvių kultūra. Apie tai kalba Bogačevo kultūros indų radiniai tiek plokštiniuose kapuose, tiek pilkapiuose. Tipiška sūduvių kultūros keramika pasirodė vėlyvojo romėniškojo laikotarpio pabaigoje arba tautų kraustymosi laikotarpiu. Tuo metu Czerwony Dwór kapinyne atsiranda vadinamieji giminių pilkapiai, būdingi sūduvių kultūros Prūdiškių etapui.

Iš lenkų kalbos vertė *M. Michelbertas*

Įteikta 2006 m. vasario mėn.